

В связи с наступающим столетием Великой революции в стране у нас опять возникло некое “брожение умов”, весьма разноречивое и довольно бесполовое уже тем, что сталкиваются здесь большей частью именно крайние и потому, порой, примитивные до вздорности мнения и взгляды. И попытки объективного, взвешенного суждения встречаются крайними с обоих флангов “в штыки”. Помимо симптоматичной незрелости многих “умов”, объяснимой зачастую элементарным незнанием истории тех лет, вдобавок и сбитых с панталыку тридцатилетней уже промывкой их бесстыдной официальной пропагандой российской (“российской” – рука не подымается написать), с одной стороны, это вызвано, с другой, и народным возмущением, сопротивлением социальному и нравственному беспределу правящей олигархии. И взвешенное отношение к событию, имевшему огромное геополитическое значение в судьбах мира, никак не выгодно, прежде всего, именно этой кучке беспринципных и продажных дельцов с их трёх-пятипроцентной от всего населения прикормленной обслугой, захвативших власть в нашей стране и до сих пор готовых, вопреки даже инстинкту самосохранения, сдать её Западу на окончательное колониальное, по сути, разорение и грабёж.

Потому-то и препятствуют всячески разумному осмыслению прошлого, потому и содержат армию всяческих сванидзей, венедиктовых, радиоактивных “дождей”, клеветников-киношников, да и всю предельно охамевшую псевдокультуру, возвращенную ими на антисоветчине и русоненавистничестве.

Революция же, как известно, прошла два этапа, на первом – типичном буржуазном в феврале-марте семнадцатого – состоялась при явной наводке англо-французских “союзников” ликвидация самодержавия, и обвинять большевиков в “свержении царя” не приходится. На втором, пролетарском в октябре, военным переворотом было отстранено от управления страной никому не годное, как и царское, Временное правительство, за какие-то полгода окончательно развалившее всё, что могло: армию, промышленность и сельское хозяйство, снабжение, делопроизводство даже... Большевики, можно сказать, “подняли с земли” брошенную, для них нежданную-негаданную всего лишь год назад власть. И в большинстве губерний в первые месяцы власть Советов (а какой-либо другой практически ведь и не было) устанавливалась относительно мирным путём, а значит, была некая, пусть и небольшая, историческая возможность обойтись при этом “малой кровью”. Если попытаться с высоты нашего времени и опыта прямо взглянуть на суть “белой идеи”, то она в главной своей основе заключалась в возврате прежних в том или

ином виде (но не царских — царь уже “выбыл из игры”) порядков и, конечно, собственности. Но надеяться на это при том всеохватном и глубоком государственном кризисе, меж тем как народ в массе своей этого уже не хотел, было столь же недалёким и бесперспективным, как сейчас на возврат Советского Союза. Этим, в сущности, и объясняется объективная слабость белого движения и, скажем так, неохотная поддержка его со стороны населения, да и то лишь некоторой его части, что сполна проявилось в ходе гражданской войны.

И если бы не обложившая все стороны света интервенция — в который раз! — “дванадцати языков” (даже вчерашние враги, немцы с турками, в этой агрессии фактически объединились с Антантой, даже японцы) и не масштабные весьма, можно сказать, решающие поставки извне средств ведения войны белым армиям, то открытое гражданское противостояние в России могло бы довольно скоро загаснуть, не принеся столько человеческих жертв и разрушений. Современный вдумчивый историк пишет: “...Наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за независимость России — войной против интервенции Запада” (С. Кара-Мурза. Гражданская война в России). И тут просто нельзя не видеть, что белое движение объективно и напрямую работало на достижение главной многовековой цели Запада — расчленения России сначала на оккупационные зоны, а следом, само собой, на лимитрофы, “страны СНГ”, где никакой нынешней Эрэфией уже бы, как говорится, и не пахло. Наивно думать, что официально (и тайно) поступивший на службу британской короне Колчак, известный германofil атаман Краснов, Деникин, подопечный французов Врангель воспротивились бы воле хозяев. Мы и сейчас видим, как умеют они управлять попавшими к ним в зависимость, да хоть по той же Украине; и с Россией как единой страной уже тогда было бы покончено.

Как бы теперь ни относиться к большевикам, но это именно они спасли единство и суверенитет страны. Обвинять их в зверствах гражданской Смуты можно и нужно в той же мере, как и противников их, учитывая при этом многовековое угнетение и унижение низовых народных масс. А это фактор объективный, заложенный в потомственной памяти десятков поколений, и проявляется он в любом народном волнении, бунте, тем более в революции — вместе с волей к справедливости, к свободе и социальному равенству. С другой же противоборствующей стороны, повторюсь, движущей силой являлось преимущественно стремление к возврату материальных и всякого рода иных социально-политических привилегий (а также то, что С. Кара-Мурза назвал “социальным расизмом” дворянства), и жестокость “белой гвардии” имела свой специфический характер... Что здесь выше или ниже в ценностном, в том числе моральном, этическом отношении — оставляю судить читателям.

Конечно же, революция, гражданская война и последовавшее за ними пересоздание государства и общества принесли неисчислимые страдания народу. По-иному в таких социальных катаклизмах и быть не может. Неизбежны были в том ожесточении и огромные потери в нравственном измерении, особенно же в отношении нашей православной веры, поскольку духовенство, клир не без оснований воспринимались в революционных массах как часть свергнутого правящего класса, а новая государственная идеология нуждалась в незамедлительном переформатировании сознания этих самых масс. И официальная Церковь, в числе первых, кстати, сдавшая революции “помазанника Божия”, именно тогда воспрянула духом в испытаниях и “реабилитировала” себя новомученичеством тысяч и тысяч исповедников, как бы подготовив тем сегодняшнее возрождение её; но это уже тема для отдельного рассмотрения. Отнюдь не сравнивая, можно лишь сказать, что у Советской власти своих героических исповедников было не меньше.

Вообще же, все большие, исторически значимые революции — события во многом закономерные, обусловленные объективными социальными, экономическими и прочими причинами, и искать в них особо зловредные силы и персоналии значило бы уходить от поиска истинных и весьма многосложных побудительных мотиваций этого, вдобавок, длительного процесса. В ходе уже развязанной Первой мировой войны революционер Ленин (впечатлившийся, вероятно, высоким на первых порах патриотическим подъёмом верхних сословий российского общества — пустым, как потом оказалось; для крестьянства же мобилизация 14 миллионов мужчин стала настоящим бедствием) выразил вполне определённый пессимизм в возможности революции в ближайшие

десятилетия... Но как политэконом в своей работе 1899 года “Развитие капитализма в России” он был куда ближе к определению её сроков, описывая кризисное и неустойчивое экономическое и социальное состояние страны, острейшие противоречия в её социуме, и восстание 1905 года сполна подтвердило это.

Сегодня немало-таки развелось “ревнителёв”-мажоров последнего царя и той “другой России”, уже ядовито прозванных “хрустобулочниками” (“и хруст французской булки”, “гимназистки румяные” и т. п.), представляющих жизнь страны начала XX века едва ли не идеальной, на самом, дескать, подъёме. И официозная либеральная пропаганда нынешняя им всячески и усердно в том подыгрывает, расписывая все блага российского капитализма. Сыграла тут свою роль, несомненно, и эмоционально сильная ностальгическая литература первой волны русской эмиграции о “потерянном рае”, об утраченных возможностях и привилегиях образованного класса. Заглянуть в документальные исторические, экономические, статистические и прочие первоисточники им, “хрустобулочникам”, как-то всё недосуг, да и, наверное, своеобразная ретро-мечта своя им куда дороже правды. Характерной же их чертой является вольная или невольная подмена-перемена местами причин со следствиями, причём эти самые следствия предъявляются как обвинительный вердикт никак не соразмерным, якобы, вызвавшим их причинам: какую Россию потеряли, мол, — и из-за чего и кого?! Из-за каких-то, дескать, злодеев и преступников — ну и т. п.

Между тем, крестьянство страны, составлявшее более 85% населения, уже в начале XX века пережило семь (!) массовых голодов, из них, по докладу Столыпина, в 1911 году “голодало 32 миллиона, потери 1 миллион 613 тысяч человек”, а вдобавок около 100 тысяч умерло от холеры... (Где вы, “ревнителёв”, неужто забыли про “слезу ребёнка”?.) И это в мирное время, в пору восхваляемого “расцвета Империи” — почему, спросить? Статистика тут беспощадна: 31,6% крестьянских дворов были безлошадными, а это означало их крайнюю нищету. Ещё 32,1% дворов имели по одной лошади (много ли с ней напашешь?) и, как правило, даже в урожайные годы не могли дожить до нового хлеба, пробавляясь тоже лебедой, толчёной корой и прочими “дарами природы”, а это ведь, считай, половина населения России!.. Что было хорошо поставлено, так это “царская репродукция”, мало в чём уступавшая по своей жестокости позднейшей революционной: ввиду финансового закабаления страны и провального внешнеторгового баланса (всё, особенно хлеб и прочее продовольствие, гналось за границу), недоимки и долги взимались с крестьян и выгребались из их закромов неукоснительно, и массовое их разорение создало огромную пятимиллионную армию наёмных сельхозработчиков, батраков, всегда готовых поддержать любой бунт, жечь ненавидимые барские усадьбы и в девятьсот пятом, и в семнадцатом году. И жгли! Только в 1905–1907 годах “красный петух” посетил 16 тысяч помещичьих усадеб — шестую часть всех имеющихся, и как это можно назвать, если не “крестьянской войной”?..

Академик Тарханов в статье “Нужды народного питания” тогда же подсчитал в сопоставимых цифрах-ценах, что русский крестьянин потребляет растительной пищи в 2–4 раза, а животной в 4–6 раз меньше, чем европейские или американские селяне, тоже тогда жившие несладко (скорее всего, эти соотношения и сейчас останутся на том же уровне...). Дело тогда дошло до того, что число негодных от недокорма по физическим данным рекрутов удвоилось за десятилетие с 6% до 13%, пишет А. Д. Нечволодов (данные из его книги “От разорения к достатку”, изданной в 1906 году, я тоже использую здесь).

II

Похоже, что Беловежская пуца, в которой трое общепризнанных иуд в 1991 году расчленили историческую Россию, явно играет у нас некую мистическую роль. Именно в ней почти за век перед тем в августе 1897 года другой иуда (а был им министр финансов Империи, а по совместительству рьяный агент-ставленник западных банкирских домов Витте) подсунил на подпись императору, там охотившемуся, Именной Указ о введении золотого валютного рубля, и тот подмахнул его. Подмахнул без рассмотрения его на Государственном Совете, вопреки своему же предыдущему Указу о неременном

губительнейшей и обсуждении этого крайне проблемного, как оказалось потом, расистейшего нововведения... Как раз в эти годы международная ростовщическая мафия проворачивала мирового масштаба аферу по втягиванию в “золотую кабалу” всех ведущих держав Европы и Америки, и Россия здесь была лишь частью их изуверского заговора.

С этого момента Николай Второй окончательно обрёк страну на безвыходную финансовую кабалу у западных банкиров, на полную зависимость от их кредитов, вдобавок сразу увеличив в полтора раза государственный долг демонетизацией, выводом из денежного оборота серебра (хотя и раньше Империя не обходилась без займов)... Страна, потерявшая финансовую независимость, не может считаться суверенной и во всех других сферах своей деятельности; и без учёта этих весьма отягчающих обстоятельств нельзя верно судить о всех последовавших событиях.

А они разворачивались, в масштабе историческом, стремительно. Две совершенно ненужных, всячески противопоставленных России и позорных войны довершили внутренний разгром государства, ответно вызвав две революции. Особую роль тут сыграла, конечно же, Первая мировая, в которую западные заимодавцы искусно втянули царское правительство воевать за их, союзников Антанты, интересы, своих, фактически, не имея (разве что второстепенные, вроде символического “влияния на Балканах”) и неся на себе главную тяжесть войны. Английский историк В. В. Готтлиб, объективно разбираясь в хитросплетениях той политики, однажды в досаде за Россию не выдерживает серьёзного тона и роняет: “...это было очень похоже на то, как заманивают осла, подвешивая морковку перед его носом...”

Русская армия воевала достойно, часто героически, но полная неготовность Империи к войне, поразительная бездарность военного командования, развал и разврат воевог-тыла и сама бессмысленность этой бойни не могли закончиться ничем иным, кроме революции. Незадолго до неё Великий князь Александр Михайлович писал царю: “Как это ни странно, но правительство сегодня тот орган, который подготавливает революцию... Правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных...” Под “правительством” подразумевался, конечно же, сам царь, изначально негодный к управлению страной. Изумляет само это “союзничество” с Антантой, невиданное в мировой истории: воюя исключительно за интересы союзников, своих не имея, Россия влезала в дополнительный огромный долг перед ними же, втридорога покупая за их кредиты у них же весьма многие виды вооружения и военного имущества. То есть вынужденная отдавать потом сам долг, ростовщические проценты на него, да ещё принося сказочный барыш их военной промышленности. И, в довершение всего, потеряв убитыми 1 миллион 670 тысяч русских солдат и около миллиона гражданских, 3,8 миллиона ранеными и 3,3 миллиона попавшими в плен, понесла при этом большие территориальные потери... И расценить это нельзя иначе, как прямое предательство высших национальных интересов России.

А начало революциям было положено, как ни странно это покажется некоторым “хрустобулочникам”, освобождением в 1861 году крестьян от крепостной зависимости. Ещё накануне этого Ф. И. Тютчев вопрошал: “... всё будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная её осуществить, — власть, которая... сделается как бы верховным посредником между двумя классами, взаимоотношение коих её надлежит упорядочить, — стоит ли она выше двух классов в нравственном отношении?.. Отвечает ли власть в России всем этим требованиям?” И приходит к выводу, что власть “не признаёт и не допускает иного права, кроме своего... исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти и что эта сила узаконена в её глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещённости...”

Так и случилось: возобладал закоренелый эгоизм правящей, немецкой, фактически, династии, чиновной верхушки и землевладельческого дворянства: крестьян “выкинули на свободу выживания” без земли, оставив в материальной зависимости, в засилье от всё того же барства, навязав им выкуп земли и даже своих построек на ней... Вполне предсказуемыми на эту вопиющую несправедливость стали повсеместные крестьянские возмущения и бунты, народные, “Земля и воля” — вплоть до террора “бомбистов”, покушений на чиновников и царей. А в ответ, как самое малое, казачьи плётки и расстрелы...

Вообще же, царское православное государство, в отличие от хищнических западных метрополий, по своей природе, по характеру русского народа не было склонно к внешнему “классическому” колониализму, оставляя вовлечённые в Империю народы в их, большей частью, естественном состоянии и правах, даже в меру своих средств помогая им. Но значительные государственные траты, на Западе восполняемые грабежом колоний и завоевательскими войнами, у России были никак не меньше, а потому основная тяжесть государственного тягла издавна легла на плечи русского, крестьянского преимущественно населения. И судя по ситуации в нём, описанной выше (а подобных фактов можно привести с преизбытком), это было, в сущности, тоже своего рода колониализмом, но только обращённым вовнутрь страны.

Пётр Первый, “подняв Россию на дыбы”, ставил перед собой практическую государственную задачу: попытаться рывком догнать, даже выиграть соревнование с западными странами, для чего прибегнул к сверхмобилизации народных сил и средств, — временной, наверное, думалось ему, — с привлечением большого числа “иностранных специалистов”. Но не надо здесь забывать другое — и важнейшее — обстоятельство в истории страны: быстрое и полное онемечивание династии Романовых, а по сути, ползучий захват ими, “немцами”, верховной власти. И этот мобилизационный, а на деле близкий к колониальному режим был оставлен ими на всё последовавшее двухсотлетие — в некоем соответствии с их европейским менталитетом завоеватель и для целей, далеко не совпадающих с целеполаганием и интересами самого русского народа, самой страны.

В самом деле, православная обрядность Двора никак не делала, считай, Романовых и наиболее близкое их правящее окружение русскими. Невозможно даже представить себе, скажем, любовь Николая Первого или Бенкендорфа к Пушкину как национальному гению (хоть как-то сравнимую, например, с отношением немцев к Гёте). Нет уж, скорее постоянное недоверие и подозрение, а то и явное, показательное унижение... Использовать в своих целях, холодно покровительствовать “камер-юнкеру” после двух ссылок, а потом и его вдове — да, пожалуй, но не больше того. И это отношение к русской культуре, как и к народу в целом, оставалось у династии до конца. Как, впрочем, и к настоящему обустройству нашей земли для жизни, пустив множество необходимых дел на самотёк и без всякого порою нужного обеспечения.

И только на небесах известно, должно быть, сколько и средств, и сил народных потрачено напрасно на вызывающую роскошь династии и прикормленной элиты из аборигенов, порою забывавших свой язык, сколько было трат на всестороннюю денежную, экономическую, политическую и военную помощь прожорливым родственным дворам и “союзникам” в Европе, какие в этом свете (а вернее уж, во тьме закулисья) важнейшие решения принимались и во что они обошлись России...

Но бывший всегда в самом центре политических событий Ф. И. Тютчев видел “непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого (в смысле, какого нельзя обойти — П. К.) противника, но старалась только служить ему подкладкой”. Его, профессионального дипломата, поражала и возмущала в Николае Первом “чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и всё упустил”, под чьим правлением Россия “только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих...”

Засилье “немцев” в России и, в частности, во внешней её политике “саксонского еврея” Нессельроде отмечал даже К. Маркс; а после неудавшегося, во многом “антинемецкого” восстания декабристов, писал историк В. О. Ключевский, из-за укрепившегося недоверия династии к русским “кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря...”

Всё это вместе и стало основной причиной отсталости “России Романовых” во многих областях государственного, социального, научно-технического, вообще домостроительного творчества, глушило едва ли не все здоровые национальные инициативы, закрепляло архаичные, не дающие развиваться сословные отношения в обществе. И уже гораздо позднее, в самом начале

семидесятых, при Александре Втором, тайный советник Тютчев, изнутри и вблизи досконально знавший всю политику династии, отмечал всё ту же “черту, самую отличительную из всех – презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального”... И потому вещей, пророческой стала его мысль: “...невозможно не предощутить переворота, который, как метлой, сметёт всю эту ветошь и всё бесчестие... Конечно, для этого потребуется не менее, чем дыхание Бога – дыхание бури...”

И она, в конце концов, грянула.

Последнее царствование Романовых показало все свои пороки и полнейшую историческую и государственную несостоятельность с исключительной наглядностью, с жесточайшими результатами и последствиями, и сетовать на некую “несправедливость” ответной, подчеркнутости, жестокости восставшего народа есть верх лицемерия, а пожалуй, что и цинизма. И какое-то тяжёлое недоумение вызывают все эти “ревнителю” и “хрустобулочники”, неучи истории: вы что же, тянет спросить, не на стороне интересов и нужд подавляющего большинства своего народа, того же крестьянства и пролетариев? Тех же солдат, в основном, тоже из крестьян, ставших в решающей мере главной военной силой революции, – после всего того, что они извели в глине окопов Первой мировой войны, в кровавой бессмыслице её, в холоде и голоде, при феноменальной бездарности самсоновых, ренненкампфов и самого “верховного главнокомандующего” царя?.. А вот около половины 150-тысячного офицерского корпуса Империи, в том числе из Генштаба, ещё в самой сумятице гражданского противостояния сумели осознать, за кем народная правда и кровные интересы родины и воевали за неё, тогда как во всех белых армиях состояло примерно 35 тысяч офицеров. И кто, спросить ещё, и кому подыгрывает ныне: либеральная, а потому по определению антисоветская (возмечтавшая даже посадить на будущий “россиянский” трон отпрыска Гогенцоллернов) и русоненавистническая пропаганда – вам или вы – ей?..

Это не значит, конечно же, что автор не сознаёт всей и личной человеческой, и социальной трагедии образованного (и эксплуататорского) класса, вынужденной эмиграции, миллионов растерзанных судеб. Да, история беспощадна к проигравшим; но и отвоёвавшим власть плоды победы даются подчас непомерной ценой, что сполна испытали на себе и русский, и другие народы России в вынужденно жестоких преобразованиях революции. И относиться к ней, объективной, надо стараться объективно тоже, иначе неминуемо станешь жертвой-объектом и внутренних, и внешних идеологических махинаторов, будешь повторять зады их, надо признать, изошрённой пропаганды. Говорить же – якобы жалеючи народ – об исчерпанности неких “лимитов на революцию” в России, по меньшей мере, преждевременно, историю этим не ублажишь и не остановишь.

Надо пытаться понимать, какая историческая ситуация сложилась в мире к началу XX века. Везде безраздельно властвовал колониализм западных стран в его самых жестоких и кровавых формах эксплуатации и геноцида, в предельном варварстве и расизме. Капитализм никого и ничего не стеснялся, не находил странным или, того более, негуманным, что какой-нибудь лорд, скажем, гордо позирает на фоне стенда с двумя десятками скальпов, снятых им то ли с индейцев, то ли индусов, – и в каких тайных коллекциях хранится сейчас тот стенд и другие, незнаемо какие тысячи артефактов европейского и американского “гуманизма”?.. Джентльмены, известные по книжкам писак и таким же киноподелкам своими тонкими манерами и вкусом, живьём сдирали шкуру со всего подвластного им мира, разжигали везде весьма нужные им войны (а впоследствии и две мировые), нещадно, до геноцида усмирив непокорных, грабя дочиста, до выжженной или залитой нефтью пополам с кровью земли, что они продолжают творить и сегодня, только под прикрытием своей глобальной теперь сети СМИ, тысяч информационных бандформирований, изобретателей “гуманитарных бомбардировок”.

Россия в полной мере ощутила на себе удушающую хватку “золотой ананкнды” Витте и “периферийного капитализма” в его уже самом отвязанном варианте. Страну грабили все, кому не лень, иностранные дельцы десятками крупных концессий захватывали её богатства, и расстрел 1912 года на Ленском прииске (акционерами которого были, кроме чужеземцев, и Витте, и мать императора) с двумя с половиной сотнями убитых рабочих (не захотели есть чер-

вливое мясо, как и на “Потёмкине”, и работать по 14–16 часов в сутки) был лишь знаковым беспределом в той череде принуждений, насилий и издевательств над рабочим людом, которые царили в стране. Да, два миллиона из 15 миллионов крестьянских дворов были кулацкими, а десяток-другой тысяч высококвалифицированных рабочих жили в достатке, и те же ижевские оружейники, как рассказывал мне Сергей Павлович Залыгин, составили самые боеспособные части в армии Колчака — лучше чисто офицерских даже... Но общая грозная ситуация в ходе мировой войны и “перестройки” Керенского перевалила уже за всякую мыслимую “красную черту”, и народ — под чьим бы руководством это ни было — восстал. Сплочённее, оперативней и решительней в своих целях и средствах в этот исторический момент оказались большевики.

III

Человек равен человеку, утверждало первохристианство, и несёт он в себе единственную ценность — “душу живую”, а всё остальное, в жизни — сопровождающее, преходящее. И несмотря на все извращения этого Вышнего посыла, мечту об осуществлении великого равенства уже нельзя было изъять из самосознания человечества. История знает немало попыток добиться этого предуганного равенства именно как Божьей справедливости, но все они заканчивались либо поражениями, либо всё теми же извращениями вроде пресловутых “свободы, равенства и братства”. Не находилось народа, даже из самых развитых наций, который сумел бы, смог решительно пойти до конца, чтобы взломать ненавистную мировую парадигму угнетения и насилия, унижения и обмана человека человеком, попытаться сменить кричащую несправедливость социального мироустройства на человечность. И совсем не зря взгляды многих и иноземных, и наших мыслителей, заботников человечества, обращались в сторону русского народа, по ряду качеств нравственных, по самому характеру его связывая свои надежды именно с ним.

Можно привести немало свидетельств такой надежды, они достаточно известны в литературе, истории, философии. “Ибо жизнь народная, — писал Ф. И. Тютчев о русских, — жизнь историческая ещё не проснулась в массах населения. Она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьёт, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему и всем”... А вот убеждение западника П. Я. Чаадаева, весьма критически относившегося к современному ему состоянию своей родины: “России выпала величественная задача осуществить раньше других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней не затронутым людскими страстями и земными интересами...” Ему же принадлежит и никак не потерявшая своей актуальности формула: “Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники”...

Она, эта формула, может, — не оправдывая и не обвиняя, — объяснить наконец-то многим нашим оппонентам объективность свершившегося и, опять же, укрепить нашу надежду на то, что рано или поздно человечество всё-таки разорвёт порочный круг злостного неравенства и угнетения, найдёт справедливые социальные и моральные формы своего жизнеустройства, достойные разума и совести. Но пока это лишь мечты неистребимых оптимистов, какие, слава Богу, ещё водятся в политических джунглях нынешнего мира.

И, говоря о духовности русского народа, нужно понимать, что она состоит не только в православном мировосприятии, Вере, но и в связанной с нею приверженности к Христовой в её земном, человеческом понимании правды-справедливости. Потому-то и пошёл он первым на решительное преодоление гнусной — и антихристианской именно — парадигмы человеческой истории. Он открыл дорогу, дал надежду на иное, лучшее будущее и доказал всем осуществимость этих чаяний, собою пробивая, прокладывая для всех путь, на горчайших порою ошибках учился, строил, создавал совершенно новую социально-политическую реальность, формацию, общность — русский социализм с его вызревшими к шестидесятым годам высокими нравственными установками человеческого общежития, каких не было до сих пор и быть не могло ни в одном социуме, ни в одном самом что ни есть христианском государстве. Старшее поколение ещё помнит “Кодекс строителей коммунизма”... И в короткий исторический срок, несмотря на тяжелейшую войну, построил основы социализма и предопределил все главные события в мире. Совсем не зря XX век называют “Русским веком”...

Когда же речь заходит о жертвах революционных и прочих репрессий и гражданской войны, все эти обвинители почему-то, как один, молчат о том, что жертвы “русского социализма” не составляют и сотой, может, доли тех поистине чудовищных гекатомб и преступлений, какие совершил и продолжает на наших глазах творить в мире капитализм, для него-то каких-либо моральных запретов просто не существует. Или задайтесь вопросом, сколько крови пролило “христианство” в его католическом и протестантском вариантах-ересях... И все те трагические потери, какие понёс наш народ, говорят об огромной сложности его первопроходческого дела, о той толще задач и проблем, которые пришлось решать на ходу. Это, разумеется, не оправдание революционного насилия, а лишь невесёлая констатация того, что человечество не умеет, не научилось ещё (и научится ли когда?) по-другому вершить свои коренные преобразования...

Русский социализм выявил и востребовал невиданные доселе запасы народной энергии и воли, пробудил и вызвал к творческой жизни десятки и десятки миллионов из “простого народа”, из самых низов подняв их к высотам культуры, искусства, науки, прогресса вообще, из земледельческой создав индустриальную и самую образованную и читающую страну в мире. Это был, по сути, “пассионарный взрыв” русского и других народов страны, предсказанный и Тютчевым, и Чаадаевым и направленный на созидание, претворение в действительность лучших общечеловеческих замыслов и чаяний, на достижение и обретение социально-экономических, культурных и духовных ценностей, благ в том их понимании, конечно, какое диктовалось условиями времени.

Из всех прочитанных особенно впечатлили меня воспоминания маршала авиации А. Е. Голованова “Дальняя бомбардировочная...”, где благодарная память автора называет многие сотни имён-фамилий тех лётчиков, механиков, командиров, конструкторов и промышленников, всех, причастных к той организаторской, боевой и поистине героической работе, масштабы которой просто поражают, и это притом, что дальняя авиация составляла по численности лишь сравнительно небольшую часть всей нашей авиации в годы войны... Когда и как успели? Какими невероятными усилиями сумели после разрухи гражданской войны за менее чем два десятка лет создать с нуля не только мощный, на высшем техническом уровне того времени воздушный флот, но и воспитать и обучить главное составляющее любого, тем более ратного дела — людей, сумевших переломить хребет зверю, прямому выкорымышу капиталистического Запада, натравленному на нас? И такого же масштаба и глубины работа велась во всех областях нового государственного строительства и с такими же поразительными результатами. Но вот что мы можем вспомнить за последние четверть века, кроме мерзостей “первоначального накопления капитала” и провального регресса?.. Пожалуй, лишь второе (после сталинского) возрождение нашей Православной Церкви. И возвращение Православия в социалистический социум, в государственность как таковую, думается, рано или поздно состоялось бы, продлился социализм дольше в развитии, дальше, — по многим предпосылкам, в том числе вышеназванным.

Материальные плоды революции по известным причинам “созрели” только к началу 60-х годов, и никогда за всю свою историю русский и другие народы страны во всей массе своей даже и близко не жили так обеспеченно, с быстро растущими благами и уверенностью в лучшем будущем, как в последнее тридцатилетие советской власти. Это стало возможным ещё и потому, кстати, что сразу же была создана своя, совершенно независимая от кого-либо извне финансовая система, где каждый рубль работал на страну, в конечном счёте, на народ, и именно поэтому мы сравнительно скоро выбрались из послевоенных разлух, несмотря на вынужденные огромные траты на оборону.

За почти три столетия после Петра Первого только при советской власти, повторюсь, Россия была суверенной во всех отношениях и поэтому достигла невиданных, непредставимых для “России, которую мы потеряли” высот, стала сверхдержавой, создала мировую социалистическую систему.

Царской, буржуазной ли России, не случись Октября, Запад никогда бы не дал вызволиться из финансовой удавки, из уготованного ей заранее положения сырьевой полуколонии, вечно отсталого “периферийного капитализма”. Нынешняя же рьяно компрадорская “элита” в начале 90-х сама накинула себе и нам на шею всё ту же, считай, петлю “Вашингтонского консенсуса”,

ВТО и прочих финансовых кабальных соглашений, утратив суверенитет, по сути, и загнав самую богатую в мире по ресурсам страну в нищету и все-стороннюю деградацию, поставив под суровый вопрос всё наше будущее. И сегодня перед нами опять поставлена историей прежняя – и главнейшая – задача: обрести экономическую, а потому и национальную, государственную независимость.

Что ж, контрреволюция – это нередкая в истории спутница попыток вырваться из обетшалых, самим временем приговорённых к отмиранию форм социально-политической жизни. Она может надолго остановить движение вперёд; но, как правило, те причины и противоречия, какие вызвали начальную революцию, никуда не уходят, а наоборот, многократно усиливаются, нарастают и делают следующую неизбежной, если, разумеется, власть не предпринимает достаточно радикальных и действенных реформ, не идёт по эволюционному пути.

И вот уже четверть века после контрреволюционного переворота 1991 года и насильственного развала СССР как исторической России российская власть, ставленница правящего в стране олигархата и насквозь коррумпированной бюрократической системы, не хочет и не может идти на какие-либо серьёзные перемены в своей антинародной в той же мере, как и антидержавной по сути политике. И во внутренней, социально-экономической в особенности, где пренебрегаются или извращаются до противоположности основополагающие принципы и условия здоровой государственности, превращая существующий олигархический “конструкт” в своего рода Антисистему с прописной, в какой могут процветать только хищники и паразиты, русофобскую по самой своей природе. А во внешней держится пассивная оборона, без неё их, властвующих здесь и торгующих нашими интересами там, на Западе вообще ни во что не будет ставить, как пьяного исполнителя “Калинки”. Но дело-то в том, что Антисистема, где-либо возникнув, не может не подрывать свои же шаткие “основы”, пожирает самоё себя, и перспективы подвластных ей крайне незавидны.

Но как Октябрьская революция привела к коренному переформатированию всей мировой ситуации, так и “геополитическая катастрофа” 1991 года радикально изменила глобальное соотношение капитализма и противостоящих ему сил – в худшую, это если мягко выразиться, сторону для всех, кто страдает от вековой несправедливости и угнетения, пытается завоевать или отстаивать свободу свою и национальную независимость. Не стало выразителя, защитника и помощника всех “униженных и оскорблённых” – и совершенно разундздался “новый мировой порядок” оставшейся единственной сверхдержавы и её евросателлитов, мало чем в принципе отличающийся от “нового порядка” нацистов или зверств британских, европейских вообще колонизаторов – преemptивность здесь самая прямая. Неоколониальный разбой современных транснациональных корпораций имеет более изощрённый характер, давно принял уже политические формы мондиализма, мирового господства, и противостоят ему на идейном и мироустроительном уровне, по сути, теперь некому. Померкла и едва ли не сошла на нет сама вселенская альтернатива “закону джунглей” нынешнего миропорядка, и никакой, скажем, “социализм с китайской спецификой” (во многом схожий с госкапитализмом) не в состоянии заменить СССР, “русский социализм” с его конкретной человечностью и во внутренних, и в международных делах, с его – сравнительно с другими ведущими государствами – добропорядочностью, готовностью поддержать все позитивные начинания на планете или дать отпор зарвавшимся хищникам. И без него “мировое сообщество” весьма явно деградировало, одичало, с утратой равновесия двух систем откатилось в новую, то и дело сотрясаемую всевозможными кризисами и насильями нестабильность.

Но куда больше и всячески деградировал когда-то единый, теперь же разодранный на “страны СНГ” социум бывшей страны Советов, вплоть до полуфеодалных или “либеральных” диктатур, во всех случаях националистических, кроме Эрэфии, а в ней, наоборот, с откровенно русофобской правящей верхушкой, целенаправленно подавляющей всякое сопротивление народа. Не говоря уже о диком социальном расслоении, неравенстве, далеко перехлестнувшим все мировые мерки приличия, резко упали культура, сама цивилизованность нашего населения, нравственный (несмотря на распространившуюся вроде до самых верхов формальную веру) и вместе с тем интеллектуальный

уровень его, и невольно согласившись с тютчевскими словами: "... всякое ослабление и заметное умаление умственной жизни в обществе неизбежно влечёт за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов". И с ним перекликается выдающийся мыслитель уже нашего времени А. С. Панарин: "Новое либеральное учение легитимирует повальную коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже прямое предательство с помощью идеологии безграничного индивидуализма и морали успеха"... И это всё о нас, нынешних.

Православная церковь, переживающая ныне своё второе (после сталинского) возрождение, старается внести в расколотое гражданское общество страны терпимость и милосердие, стремится помочь в преодолении глубокого кризиса социума и самой государственности, но что и, главное, как она может сделать при вызывающе антихристианском, социал-дарвинистском мышлении и попросту циничном, жлобском поведении нашей правящей "элиты" и её обслуги? Посредническая, а скорее уж – союзническая с верхами миссия её в отношениях с народными низами, определяемая как "Христос терпел и нам велел", отчасти срабатывает, конечно, но ничего не решает и в принципе решить не может. К ней самой обращены уже весомые претензии как верующих, так и во многом атеизированного общества в том, что она не отстаивает должным образом христианские ценности перед властью и даже сражается с нею, неправедной... И в отношении этическом, как видим, в духовно-нравственном обществе наше тоже заведено в какой-то безысходный тупик, а другой, вызволяющей из него идеи или силы пока не находится. Официальный же "патриотизм" только дискредитирует, разоблачает сам себя в глазах честных и думающих граждан, какие при всём желании никак не могут углядеть любовь к родине и заботу о ней у "воров в законе РФ"...

И это поражение идей равенства и правды-справедливости в СССР–России воспринялось во всём мире и несомненно ощущается всеми людьми доброй воли, прежде всего, как поражение человека вообще как разумного социального существа с его стремлением к лучшему, основанному на нравственных началах будущему. Капитализм в его любых национальных формах напрочь отрицает это, он всегда был и остаётся хищником по своей природе, основой которой и является психофизиологической "низ", взявший ныне верх над человечностью. А в геополитике восторжествовала упоминавшаяся мною парадигма и то, что раньше обозначалось ёмким социополитическим термином-понятием "реакция" как откат от уже достигнутых человеком совершенно новых принципов и практик жизнеустройства, и, по всему судя, это надолго. Как, впрочем, и само гниение российской Антисистемы, обусловленное известным долготерпением народа. И неужели придётся снова "дойти до ручки", до разрухи всего и вся, чтобы понять, что "не туда идём"?.. Но русский народ ещё не сказал своего последнего слова, да и не будет оно "последним" у него, обладающего уникальным историческим опытом, нравственными разумом и волей в лучших своих представителях, способностью к сверхмобилизации в случае суровой необходимости.

Оправится от этого поражения вселенский человек нескоро, прорывы такого масштаба, как великий без всякого преувеличения Октябрь, приготавливаются в народах веками. Историки и философы разберутся, в какой мере считать это крушением (пусть и временным) идеального в мировом социуме; но в том, что эта мера весьма значительная, сомнения нет. И не приходится быть пророком, видя, что при всём пресловутом "ускорении прогресса" человечество ожидают, скорее всего, долгие серые будни-десятилетия международной грызни за гегемонию, рынки, территории, недра, даже за пресную воду, и что за всё это оно продолжит расплачиваться самой дорогой ценой – кровью невинных и невосполнимой пагубой душ.

И если мы "венец творения", то история испытывает нас, прежде всего, на способность быть человеком, жить по высшим человеческим законам, а не по законам животного мира. В это раз мы не выдержали экзамена, но сама задача перед нами, перед лучшим, что есть в нас, не снимается.